

АНДРЕЙ
КВИТКО

ДНЕВНИК
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО
КАЗАЧЬЕГО
ОФИЦЕРА.
1904–1905
2 ЧАСТЬ

RUGRAM

Москва
2026

УДК 355/359

ББК 68.4

К32

Квитко А.В.

К32 Дневник забайкальского казачьего офицера. 1904—1905. 2 часть/
А.В. Квитко. — М. : RUGRAM, 2026 — 210 с. — (Военная летопись
России).

ISBN 978-5-517-13615-2

«Мне было очень обидно думать, что на основании донесения Трухина генерал может считать меня виновным в напрасном нарушении спокойствия отряда. Кн. Джандиери обязан был лично проверить показания своих постов и разъездов и отступить только тогда, когда более держаться невозможно; это должен был был требовать от него командующий полком, тогда и полк остался бы на месте, и отряд не был встревожен».

«Сразу так потемнело, что я не различал белой лошади казака, шедшего впереди меня и в нескольких шагах. В темную ночь я себя чувствовал совершенно беспомощным и не мог понять, как другие могли видеть и двигаться свободно среди мрака. Я приказал вестовому взять мою лошадь за повод недоуздка и вести меня как слепого».

«Выехали мы из леска, переправились через речку и, не доезжая двухсот сажен от поперечной долины, были встречены залпом. Не успел я отдать приказание, как Энгельгардт, приложив руку к козырьку, сказал: «Разрешаете, полковник?» — и на мой знак согласия крикнул: «Сотня, за мной», переправился опять через реку, остановился под левой сопкой, спешил казаков и полез по крутой, почти отвесной скале на сопку, покрытую густым кустарником. Я посмотрел на часы; прошло только двенадцать минут с того времени, как мы оставили позицию, до первого залпа неприятеля. Российский мог теперь убедиться, что я говорил правду, когда я заявлял, что до неприятеля близко».

УДК 355/359

ББК 68.4

BIC FC

BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13615-2

© RUGRAM, оформление, 2026

© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ II. ПОХОД НА ЦЗЯН-ЧАНЬ. — ОТСТУПЛЕНИЕ. — НАБЕГ В ТЫЛ ЯПОНЦЕВ. — 9 СЕНТЯБРЯ 1904 Г. — В МУКДЕНЕ	5
ЧАСТЬ III. НАСТУПЛЕНИЕ. — БОЙ ПОД БЕНСИХУ. — БОЙ НА ЧИНХЕЧЕНСКИХ ПОЗИЦИЯХ.....	71
ЧАСТЬ IV. У ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА МИЩЕНКО.....	128

ЧАСТЬ II

ПОХОД НА ЦЗЯН-ЧАНЬ. — ОТСТУПЛЕНИЕ. — НАБЕГ В ТЫЛ ЯПОНЦЕВ. — 9 СЕНТЯБРЯ 1904 Г. — В МУКДЕНЕ

ПОХОД НА ЦЗЯН-ЧАНЬ

20 июля. Мы выступили с этапа в шесть часов утра, было очень жарко. Хотя, по моему мнению, лучше в большую жару не останавливаться, потому что нельзя отдохнуть ни людям, ни лошадям, я вынужден был, однако, сделать два привала из боязни сбить им спины от сильной испарины.

Уже вечерело, когда мы подходили к деревне в четырех верстах от Бенсиху; она была занята двумя ротами 11-го пехотного Псковского полка.

Из ущелья вправо, направлявшегося к Тайдзыхэ, доносились орудийные выстрелы. Отряд полковника Грулева, в составе двух батальонов Псковского полка, 2-го Дагестанского полка и шести орудий, производил усиленную рекогносцировку к Сихеяну.

Я остановился на ночлег в этой деревне.

21 июля. Уже здесь менее жарко, чем на равнине, по которой протянулась до Порт-Артура китайская восточная железная дорога. Около полудня мы пришли в Бенсиху, встретив по дороге уходящего в Мукден подполковника Шестакова со своим батальоном. Меня удивило это движение назад, когда все войска были устрем-

лены вперед для встречи с неприятелем. Один из пехотных офицеров сказал мне, что Шестаков действовал по собственной инициативе, не считая себя в подчинении ближайшего начальника.

В Уй-ян-ньине мы сделали привал у командира Аргунской сотни, графа Комаровского.

Японский отряд находился на противоположном берегу. Простым глазом можно было видеть на холме около пятидесяти человек, высматривающих наше расположение.

Мы выступили в три часа и, минуя крутой перевал, по которому проходила ближайшая дорога на Сян-цзя-цзы, пошли по более кружной дороге, но с пологим подъемом.

В Сянцзяцзы мы остановились на ночлег, здесь стоял подъесаул Суботин со своей пешей сотней. Мы застали там возвращавшегося из Мукдена Николая с вьюками нашей второй сотни. Я был очень рад продолжать вместе с ним путь, так как встречи с японскими разъездами или с хунхузами были возможны, а у нас троих были шашки — у меня и моего вестового Андрея, а из огнестрельного оружия только один револьвер Браунинга у меня, у Андрея же китайцы украли винтовку во время ночлега в деревне после боя 6-го июля.

На левом берегу Тайдзыхэ японцы обнаружили усиленную деятельность.

Весь вечер раздавалась пушечная пальба по направлению к Бенсиху.

Суботин жил в палатке, а я расположился на ночь у ограды на охалке сена.

22 июля. Мы пришли рано в д. Сан-чан-цзай, на правом берегу Тайцыхэ, против Сяосыря. Я поспел вовремя, так как на завтра был назначен поход к Цзян-чану, занятому вновь японцами.

23 июля. День жаркий. Несмотря на то, что мы взяли с собой легкий вьюк, наша бригада и конно-горная батарея Созонтовича вытянулись в колонну версты на три. На левом берегу реки впе-

реди нас вспыхивали на сопках дымки. Очевидно, сигналы, предупреждавшие неприятеля о нашем приближении. Переводчик Меликова, кореец Сергей, объяснил, что в Корсе количество зажигаемых из кучек высохшей травы огней означало численность наступающего неприятеля; вероятно, японцы пользовались тем же приемом.

У д. Суйдун, где река круто изгибалась в виде латинского «эс», я с разъездом пересек выступающий полуостров в том месте, откуда хунхузы обыкновенно обстреливали казаков летучей почтой. Несколько человек, засевших за крутым утесом, могли бы безнаказанно вывести из строя немало людей и лошадей. На этот раз хунхузов мы не видали, они или притаились где-нибудь за нагроможденными скалами, или совсем удалились при приближении большого отряда.

Был очень труден спуск с этого утеса по высеченной в скале узкой тропинке. Внизу приходилось делать прыжок в реку в глубоком месте, где маленькая лошадь почти вся погружалась в воду.

Я оказался впереди колонны. Впереди нас, за рекою, скрывалась в зелени старинная китайская крепость Манза-ченза, вмещавшая внутри довольно большую деревню.

Здесь мы остановились. Было объявлено, что мы выступим в двенадцать часов ночи и должны подойти к Цзянчану в четыре часа утра, чтобы напасть на неприятеля на рассвете. Особой диспозиции или приказа по отряду не было, мы слышали только стороною, что одновременно с нами Цзян-чан будет атакован с севера подполковником Мадритовым, у которого также имелось несколько горных орудий.

После обеда, кто был свободен от службы, прилег отдохнуть, так как нам предстояла бессонная ночь. В одиннадцать часов начали седлать и готовиться к предстоящему бою.

24 июля. Мы выступили ровно в полночь. Луна восходила только в четверть второго. Мы шли в следующем порядке: впереди

Аргунский полк, в авангарде сотня князя Магалова, нерчинцы составляли главные силы, имея в голове 3-ю сотню, за нею 2-я сотня, прикрывавшая батарею; второй дивизион шел за батареей. Я ехал перед 3-й сотней (1-я под командою П. Черкесова осталась в д. Санцзяцзы).

Ежеминутно можно было ожидать встречи с неприятелем; особенное напряжение испытывалось, когда мы проходили по суживавшейся дороге между рекою и отвесной стеной горного хребта. Небольшой отряд, занявший этот хребет, мог бы нанести нам тяжелые потери, удивительно, что японцы им не воспользовались.

Стало немного легче, когда луна поднялась из-за гор и осветила глубокую долину.

Синий холодный свет луны стал сменяться серою мглою осевшего тумана, и очертания гор стусhevались; скоро можно было ожидать наступления зари. Мы переправились через реку и вытянулись по расширившейся долине. Вдруг впереди раздались выстрелы, и пули просвистали над нашими головами. 3-я сотня быстро разомкнулась вправо и построила лаву по команде подъесаула Филиппова. 2-я сотня также перестроилась в лаву позади первой. Мы остановились в ожидании приказаний. Начало светать; перестрелка то усиливалась, то слабела; пули залетали к нам, потому что мы стояли на линии огня. Мы подошли вправо к подножию цепи не очень высоких гор. Прежде всего нужно было обеспечить свои фланги: направо, на ближайшие сопки, был послан один взвод 3-й сотни и разъезд 10-го Оренбургского казачьего полка под командою хорунжего Шпицберга, прибывшего накануне в отряд для связи от подполковника Мадритова.

Для прикрытия левого фланга был послан есаул Шульженко с саперной командой; он переправился через реку и исчез в гаоляне. Кн. Меликов находил, что следовало выслать на левый фланг еще сотню, потому что у Шульженки было всего только двадцать

два человека; мне же казалось, что обход с этой стороны не был опасен, так как за рекой низина и невысокие холмы, и, кроме того, оттуда мы ждали прибытия отряда Мадритова — я забыл про гаолян.

От Бенингсена, отправившегося на разведку 22-го, было получено вчера утром донесение, что он был встречен неприятельским залпом, при чем потерял двух казаков ранеными и двух лошадей; с тех пор не было о нем никаких сведений, и предполагалось, что он попал в плен или погиб.

В фанзу под горой был принесен убитый вестовой полк. Российского. Пока казаки рыли шанцевым инструментом могилу, другие обмыли его и надели чистую рубашку, завернули в палатку и опустили в могилу, прикрыв ее дверью от фанзы, ветвями, камнями и землей. Врач Красного Креста, санитар, несколько офицеров и казаков присутствовали при погребении. Говорили, что Российский спросил у командира Аргунского полка войск, ст. Кобылкина, кем была занята сопка впереди, он ответил: «Нашими», а когда Российский туда подъехал, по нему был дан японцами залп в упор. Вестовой был смертельно ранен, но успел отскочить в гаолян вместе с полк. Российским, который, по счастливой случайности, не был задет ни одной пулей; недаром говорили про него казаки: «Его и пуля не берет». Сколько раз он нарывался на неприятельские засады, и до сих пор ему все сходило благополучно.

Туман рассеялся, солнце стало сильно припекать.

Наша 4-я сотня была потребована на подкрепление Аргунского полка, с нею отправился Заботкин. Впереди перестрелка не перемещалась, значит, нам не удалось продвинуться к Цзян-Чану. Но вот на нашем левом фланге раздался выстрел, другой, и пошла рушенная трескотня. Нам не было видно ничего, очевидно, неприятель пробрался по гаоляновому полю и подошел незаметно к команде Шульженки. Прав был Меликов; теперь надо было спешить отправкою подкреплений. Поиск, ст. Трухин, послал

генералу Любавину донесение об обходе неприятелем нашего левого фланга. Между тем огонь за рекою все усиливался и приближался к нам; очевидно, японцы делали обход со значительными силами. Мы видели, как Шульженко с саперной командой отступал в нашу сторону, отстреливаясь.

Главные силы отряда и батареи, прижатые к подножью гор, оказались под выстрелами неприятеля. Подъесаул Филиппов, не дожидаясь приказаний, скомандовал: «Сотня, за мной!» — и взбежал на гребень невысокого утеса, откуда ему было видно движение японцев; через минуту послышались выдержанные залпы третьей сотни, под прикрытием которой началось поспешное отступление всех частей. Меликов открыл дорогу для батареи среди коноводов Аргунского полка, спешивших навстречу отступавшим; он тоже дал несколько залпов, чтобы задержать противника.

Идя напрямик, нам пришлось переправиться по тонкому месту и через канаву с вязким грунтом; три орудия проскочили удачно, а четвертое застряло; минута была довольно критическая, столпились около орудия артиллеристы и казаки, сясь вытащить, а в это время японцы уже подошли шагов на восемьсот и жарили в нас пачками. Наконец поднатужились, орудие было поднято из топи и увезено без больших потерь в людях и лошадях. Один убитый казак был перекинут через седло и отвезен назад. Отступление по щебню и через широкую и довольно глубокую реку под фланговым огнем неприятеля было особенно неприятно. К счастью, батарея успела отойти за скалы, где стояли наши вьюки, и оттуда открыла огонь; японцы сейчас же притихли, огонь стал гораздо реже, и мы, благодаря этому, понесли мало потерь: два казака убитых и двенадцать раненых, офицеров ни одного.

Старший адъютант штаба, бывший артиллерист, капитан Шнабель, руководил огнем батареи с вершины сопки; он говорил, что с первых наших снарядов в двух наступавших батальонах оказались значительные потери и они прекратили преследование.